

ВСТРЕЧА

С ЧУЖИМ:

РОССИЙСКИЙ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОПЫТ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Встреча с Чужим: российский и
дальневосточный опыт
межкультурной коммуникации**

УДК 316.772

ББК 71.04

B85

Монография подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-33-01069-ОГН «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации»

Коллектив авторов:

Алиев Р.Т., Якушенкова О.С., Мещеряков А.Ю., Павленко Н.В.

Рецензент:

Кирчанов М. В., д-р ист. н., доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации: монография / под общей редакцией Р. Т. Алиева. – Астрахань: Издатель: Алиев Растям Туктарович, 2020. – 224 с.

ISBN 978-5-600-02607-0

В данной коллективной монографии авторы анализируют проблемы коммуникации с Чужим в контексте культурных процессов на Дальнем Востоке. Эта проблема анализируется в нескольких аспектах, а субъектами восприятия Чужого оказываются самые различные народы и в разных ситуациях, и в разных периодах. Значительная часть работы посвящена анализу воображаемого Чужого, сконструированного по интернет запросам в российском сегменте Интернет. В основу этого анализа легли основные маркеры инаковости: алиментарность, сексуальность, вестиментарность. Система отношений россиян с представителями дальневосточных народов показана через призму формирования гибридности в культурном пространстве российской диаспоры в Харбине. Встраиваясь в чужую для нее культурную реальность, русская культура пыталась выжить, сохраняя себя и репродуцируя. Последний раздел монографии делает попытку взглянуть на проблему коммуникации с Чужим через призму носителей японской культуры.

Книга может быть интересна историкам культуры, антропологам, философам, культурологам и всем тем, кто интересуется народами Дальнего Востока.

ISBN 978-5-600-02607-0

© Коллектив авторов, 2020

**РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРНАЯ ГИБРИДНОСТЬ НА
ТРАНСГРАНИЧНЫХ И ПРИГРАНИЧНЫХ
ПРОСТРАНСТВАХ РОССИИ И КИТАЯ**

А. Ю. Мещеряков

*«В процессе освоения европейской культуры
Китай вырабатывает нечто совершенно
новое, неожиданное, невиданное, что меняет
привычные культурные установки»⁹².*

Вс. Н. Иванов, 1936

Существует несколько подходов к анализу культурной гибридности. Один из таких анализов был сделан британским исследователем постколониальной теории Р. Янгом, который рассматривает гибридность в истории культуры.

Гибрид (Hybrid) – это термин, возникший и получивший популярность в XIX в. Но теоретики постколониальной истории начали использовать его снова, только уже в гуманитарных исследованиях для изучения исторических и культурных процессов. В XIX в. данное слово использовалось для обозначения физиологического явления. «В XX в. термин «гибрид» был применен для описания культуры, в то время, когда культурные факторы определяли физиологическое состояние⁹³. Учение о постоянстве типа могло бы обойти проблему видов, но ей пришлось столкнуться с процессом гибридизации. Об этом хорошо свидетельствует неограниченная рождаемость детей в межрасовых браках. История опровергает мнение о невозможности появления и жизни метисов»⁹⁴. Помимо общенаучного интереса, концепция культурной гибридности, безусловно, важна для понимания историко-

⁹² Иванов Вс. Н. Логика Европы и Китая. Культурно-философский этюд // Вестник Китая. 1936. №2. С. 14-19.

⁹³ Young Robert J. C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race: London, New York: Routledge, 1995. P. 5.

⁹⁴ Ibid. P. 12-13.

культурных процессов. В современном мире данная тема затрагивает практически все аспекты жизни человека⁹⁵.

В XIX – XX вв. была особенно популярна яркая биологическая метафора «гибридизма» или расового кровосмешения. В этот период возникает множество терминов, обозначающих культурную гибридность. Среди них: креолизация, креольская культура, синкретизм, микс, слияние рас, аккультурация, транскультурация, культурная гомогенизация, культурный обмен, перевод культуры, заимствование культуры⁹⁶.

Культурную гибридность (*Cultural Hybridity*) можно рассматривать как историко-культурный процесс, и как результат взаимодействия различных культур. Это процесс, в котором происходит «пересечение» культур или их взаимопроникновение друг в друга, образуются новые условия, свойства, законы и иные экзистенциальные нормы. Процесс культурной гибридации в истории мы можем рассматривать в самых разнообразных формах⁹⁷.

Термин «культурная гибридность» вводится в научный оборот в 90-е гг. XX в. исследователями постколониальной истории, которые стремились осмыслить происходящие культурные процессы в Новое и Новейшее время на различных территориях. Р. Янг предлагает использование понятия гибридности для анализа культурной обстановки в период увеличения миграции и появления в Европе смешанных браков между представителями народов Востока и Запада. По его мнению, человеческая раса сама по себе является гибридной, а данный термин можно использовать для «универсального описания культуры». Он рассматривает это

⁹⁵ Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал фронтальных исследований. 2017. №2(6). С. 30-58.

⁹⁶ Burke P. *Cultural Hybridity*: Cambridge: Polity Press, 2009. P. 45-47.

⁹⁷ Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле... 2017. №2(6). С. 30-58.

явление в историческом аспекте⁹⁸, кроме того, отмечая наличие процесса культурной диаспоризации, который характеризует преднамеренную культурную гибридизацию⁹⁹. Тем самым, в рамках концепции культурной гибридности Р. Янг формирует понимание о человеке и культуре.

Р. Янг анализируя культурную гибридность на историческом фоне, приходит к выводу о том, что «обе модели культурного взаимодействия, языка и пола, сливаются в единый продукт, который характеризуется термином – культурная гибридность». Он предполагает, что человеческая раса является гибридной (здесь он подразумевает поколение метисов), и что понятие гибридность может служить в качестве «универсального описания культуры»¹⁰⁰.

Хоми Бхабха рассматривает гибридность как проблему колониальных представлений. По его мнению, культурная гибридность – это инструмент сопротивления и попытка встроиться в колониальную систему¹⁰¹.

Российский исследователь С. Н. Якушенков, анализируя специфику Нижнего Поволжья, отмечает, что культурная гибридность является следствием длительных этнических, лингвистических, религиозных и других культурных контактов¹⁰². Новая гибридная культура отличается особым своеобразием и синкретизмом. Соседство с местными народами приводит к

⁹⁸ Young Robert J. C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. London, N.Y.: Routledge, 1995. P.5.

⁹⁹ Якушенков С. Н. Культурные процессы в гетеротопных пространствах (на примере Нижнего Поволжья) // Кочевые народы Юга России: Исторический опыт и современность. 2016. №1. С. 419-422.

¹⁰⁰ Young Robert J. C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race: London, New York: Routledge, 1995. P. 5.

¹⁰¹ Bhabha Homi K. The location of Culture. London, New York: Routledge, 1994. P. 56.

¹⁰² Якушенков С. Н. Культурные процессы в гетеротопных пространствах... 2016. №1. С. 419-422.

активному заимствованию множества культурных элементов¹⁰³. При анализе культурной гибридности через призму коммуникации имеет смысл рассматривать это явление как новую транскультурную форму, возникающую в результате кросс-культурного диалога, поскольку взаимовлияние разнообразных культур образует культурную гибридность.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что не каждая культура является гибридной. Питер Бёрк в своей работе¹⁰⁴ обращает внимание на то, что «если каждая культура является гибридной, то данная концепция теряет свою ценность». П. Бёрк анализирует культурную гибридность как явление в контексте культурного обмена. «В истории процесс культурной гибридизации в определенных периодах и пространствах проходил где-то сильнее или быстрее, а где-то медленнее». По его мнению, культурной гибридностью можно назвать новые культурные пространства, явления, факторы, свойства, которые возникли вследствие культурного столкновения двух или более культур¹⁰⁵. Всякая инновация в культуре является адаптацией этноса, следовательно, культурные столкновения способствуют творчеству. Культурный обмен – это не просто культурное обогащен¹⁰⁶. Приграничные территории, такие как приграничные города, можно охарактеризовать как перекресток торговли и культур, где встречаются и взаимодействуют различные этносы. Это «контактные зоны», также «торговые зоны», в которых процесс смешивания заканчивается созданием чего-то нового и отличного – культурной гибридности. Не случайно, что многие современные

¹⁰³ Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // Журнал фронтальный исследований. 2016. №1. С. 9-21.

¹⁰⁴ Burke P. A Case of Cultural Hybridity: the European Renaissance // Max Planck Institute for Social Anthropology. Department «Resilience and Transformation in Eurasia»: Max-Planck-Gesellschaft. 2012. P. 6-29.

¹⁰⁵ Ibid. P. 25-29.

¹⁰⁶ Burke P. Cultural Hybridity: Cambridge: Polity Press, 2009. P. 6.

ученые часто говорят о «городах метисов»¹⁰⁷. В свою очередь, метис – это наиважнейший субъект процесса культурной гибридизации.

Многие культуры являются гибридными и подвержены процессу культурной гибридизации, который происходит в истории все время. Тем не менее, некоторые культуры более гибридные, чем другие. Существуют также моменты интенсивной гибридизации в результате культурного взаимодействия между двумя или более народами. Культурная гибридность во всемирной истории может быть идентифицирована в религии, музыке, кинематографе, архитектуре, языках (особенно в пиджине и креольском языке) и других областях культуры.

Исходя из вышеупомянутых идей, начальной точкой процесса культурной гибридизации является встреча различных культур, так как культурная гибридность формируется в результате межкультурного взаимодействия. Чтобы понять и оценить важность процесса культурной гибридизации в истории необходимо исследовать множество культурных факторов¹⁰⁸.

В определенных местах встречи между культурами проходят более интенсивнее и, исходя из этого, можно говорить о том, что такие территории как фронтир, город и отдельные диаспоры представляют большой интерес в изучении процесса культурной гибридизации¹⁰⁹. Трансграничные города являются «перекрестком» торговли. Здесь люди различного происхождения встречаются и взаимодействуют. Фронтирные территории и города можно охарактеризовать как «межкультурные» пространства, где активно взаимодействуют и смешиваются культуры, что в свою очередь заканчивается созданием третьего пространства, т.е. нового, отличного от традиционного.

¹⁰⁷ Ibid. P. 72-77.

¹⁰⁸ Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле... 2017. №2(6). С. 30-58.

¹⁰⁹ Burke P. Cultural Hybridity: Cambridge: Polity Press, 2009. P. 72-77.

Создаваемая совершенно новая культурная ситуация порождает особые гибридные личности, совмещающие в себе множество культур¹¹⁰. Между культурами нет четкой или устойчивой культурной границы или культурного континуума. Разнообразное смешивание и культурное взаимодействие, происходящее на фронтире или урбанистическом пространстве между разными народами, приводит к поиску новой идентичности – гибридной идентичности¹¹¹.

«Каждый день с самого рождения мои пути пересекались с китайцами, – вспоминает Ксения Волкова, родившаяся в Китае и прожившая в нем до 1954 г. – Мы русские всегда жили рядом с ними. Китайцы нуждались в нас так же, как и мы в них. С детства я привыкала к ним и считала, раз я живу в Китае, значит он такой же мой, как и для китайца его страна. Я ела китайскую еду, играла с китайскими девочками, не чувствуя разницы, кто я и кто моя черноглазая подружка... Родители поддерживали хорошие взаимоотношения с соседями-китайцами, и мы были частью этой страны с ее укладом и бытом»¹¹².

Р. Янг замечает, что процесс культурной «диаспоризации» означает преднамеренную культурную гибридизацию, процесс объединения, а также диалогизацию этносов и культурных различий¹¹³. Таким образом, можно уверенно сказать, что культурная гибридность – результат проживания Другого/Чужого этноса на чужой территории, непознанном мире, неизвестной земле, пространстве чужеродной цивилизации. «Общество, находящееся в новых географических пространствах, вынуждено формировать

¹¹⁰ Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. «Власть земли»: формирование новой... 2016. №1. С. 9-21.

¹¹¹ Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле... 2017. №2(6). С. 30-58.

¹¹² Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая: Москва: Молодая Гвардия, 2006. С. 32.

¹¹³ Young Robert J. C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race: London, New York: Routledge, 1995. P. 23.

новую картину мира, которая в полной мере отвечала бы новым условиям. Эта картина мира находит свое отражение в языке, религии, литературе, фольклоре, искусстве, идеологии, поведенческих стереотипах и т.д. Конкретный набор этих факторов создает национальную картину мира, выполняющую важную функцию адаптации к различным условиям, как природным, так и социальным»¹¹⁴.

Актуальность концепции культурной гибридности в исторической науке возрастает, так как исторический процесс в современном обществе нужно изучать с позиции культурных встреч или диалогов – *Cultural Encounters*. Исходя из этого, говоря о процессе культурной гибридизации, гибридной культуре, гибридной идентичности и гибридном пространстве необходимо анализировать данные феномены сразу в нескольких плоскостях и в нескольких научных направлениях.

На основании вышесказанного можно заключить, что гибридность является следствием взаимовлияния различных культур: межкультурного диалога, слияния рас и этносов, кросс-культурного взаимодействия, результатом чего становится изменение отношения к иному этносу, его переход из категории Чужой в категорию Другой. Анализ гибридности и сравнение различных ее типов дает возможность выявить множество различий.

В то же время сходство различных типов позволяет говорить о едином и универсальном явлении, которое можно обозначить термином «культурная гибридность», который применим к большинству смешанных пространств¹¹⁵.

В данной части нашей работы мы попытаемся проследить процесс формирования культурной гибридности на трансграничных

¹¹⁴ Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. «Власть земли»: формирование новой... 2016. №1. С. 9-21.

¹¹⁵ Мещеряков А. Ю., Якушенкова О. С. Культурная гибридность в условиях урбанистического ландшафта // Культурная жизнь Юга России. 2017. №4(67). С. 57-60.

и приграничных территориях России и Китая в конце XIX – начале XX вв. Две концепции – трансграничье (*transborder*)¹¹⁶ и приграничье (*border, boundary*)¹¹⁷ – позволяют проанализировать различные процессы в истории взаимодействия России и Китая. Актуальность данного исследования заключается в том, что на сегодняшний день применение концепций трансграничного и приграничного взаимодействия в изучении истории России и Китая представляет интерес, так как позволяет по-новому взглянуть на исторические процессы взаимодействия государств в приграничных зонах.

Мы будем прибегать к использованию методологических наработок российской и американской науки: использование фронтальной и постколониальной теории для анализа процессов культурной коммуникации. Изучение территории с точки зрения фронтальной теории позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской истории и антропологии применительно к изучению российско-китайской границы. Использование понятий процесса культурной гибридизации, культурной гибридности, гибридной идентичности, гибридного пространства помогут понять генезис межкультурной коммуникации в рамках пространства приграничных территорий, их исторического развития и формирования идентичности населения. При анализе межкультурного диалога китайцев и русских нами учтены история, культура и периодизация русской диаспоры в Китае. Применение методов городской антропологии и постколониальной теории в свою очередь позволяет проследить особенности функционирования культурных явлений внутри урбанистического ландшафта фронтальных городов. Фронтальный город в течение своего

¹¹⁶ Wilson T. M., Donnan H. A Companion to Border Studies. Hoboken: Blackwell Publishing, Ltd., 2012. P. 20-22.

¹¹⁷ Якушенков С. Н. Внутренний фронт как фактор международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 125-133.

исторического развития имеет особую функцию. В истории Америки такие города, как Лос-Анджелес и Сан-Франциско рано сформировались как крупные города и не утратили фронтального характера. Также ярким примером фронтального поселения является Астрахань – город на Юге России, где в процессе его исторического развития смешивались и продолжают смешиваться различные этносы, языки, религии и мн. др.¹¹⁸ – один фронт вытеснялся другим, накладывался на другой. Население Астрахани инкорпорировало европейские традиции и сохраняло черты азиатского города. В этих условиях роль фронтального города менялась. Из форпоста, крепости Астрахань превратилась в административный центр, стены города сносили за ненадобностью.

Сексуальная идентичность и алиментарные предпочтения.

Точки соприкосновения русской и китайской культуры формировались в истории России и Китая намного раньше времени образования русской диаспоры в Китае. Самыми ранними русскими иммигрантами в Китае были русские старообрядцы, которые бежали от религиозных преследований при императрице Екатерине II более 200 лет назад. Они селились на северо-западе Алтайского края, образуя деревни, где сохраняли свою веру¹¹⁹. Следует обратить внимание на то, что присутствие русских в Китае как диаспоры насчитывает не более 200 лет.

Значительная российская эмиграция начинается в 1897 г. в результате строительства Китайско-Восточной железной дороги (далее КВЖД), проходящей через всю северо-восточную часть территории Китая. В 1903 г. КВЖД была передана в ведение

¹¹⁸ Мещеряков А. Ю., Якушенкова О. С. Культурная гибридность в условиях... 2017. №4(67). С. 57-60.

¹¹⁹ Shear M. Strangers in a strange land: the Russian community in Xinjiang, and its interactions with the local peoples // Каспийский регион: политика, экономика, культуры, 2013. №3(36). С. 292-298.

Эксплуатационного управления, что позволило русским активнее мигрировать в Маньчжурию и Китай¹²⁰.

На протяжении долгого исторического процесса русские женщины иммигрировали в Китай в силу различных причин: война, революция, экономические трудности, высокая смертность мужчин, половая диспропорция в России, пьянство мужчин, рождение детей вне брака, супружеские измены и др. В Китае можно было встретить много русских женщин¹²¹. Женщины по одиночке или группами, например, по несколько сестер перебиралась на китайский берег Аргуни в поисках лучшей жизни. Половые диспропорции в российском обществе компенсировались за счет обратной диспропорции в китайском, которое выступало в роли принимающего¹²².

Окончание Гражданской войны в России в октябре 1922 г. привело к тому, что с Дальнего Востока в Китай и другие страны иммигрировало около 1 млн. человек. Первым пунктом назначения иммиграции являлся город Харбин, где у русских была возможность обеспечить себе существование. Русские девушки стремились уехать из Харбина, чтобы искать себе женихов в других городах Китая¹²³. В китайской литературе о России отмечается высокий процент разводов в Российской империи: «если будите гадать русским по руке – смело говорите, что он (она) будет женат два раза; если вдруг ошибетесь, значит, браков будет не два, а три». Причиной разводов китайские исследователи называют: «Несмотря на то, что русские стремятся к сексуальной свободе в сексуальных отношениях,

¹²⁰Го Мен. Миграция населения из России в Китай: исторический опыт натурализации и сохранения самобытности (конец XVII - XX века) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. №2. С. 71-77.

¹²¹Тарасов А. П. Русская национальная волесть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №1. С. 102-121.

¹²²Там же. 102-121.

¹²³Хисамутдинов А. А. Русские женщины в Китае (1922-1940-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. №3. С. 124-127.

большинству населения не хватает соответствующих знаний в этой области, что приводит к отсутствию гармонии в браке»¹²⁴.

В данном исследовании особой формой межэтнического взаимодействия русских и китайцев нами был выбран смешанный русско-китайский брак, находящийся «Между» (*in-between*) двух культур. Брак в таких условиях – это способ коммуникации. В основном это брак между: мужчиной-китайцем и женщиной-русской. Русские мужчины на китайках женились очень редко¹²⁵. Для русских мужчин китайские женщины были чаще всего не более чем объект, который можно использовать для удовлетворения сексуального желания. Брак русского и китайки не встречал одобрения в России. Поэтому сексуальное насилие становилось обычным явлением, хотя оно не поощрялось.

Русские женщины и китайские мужчины активно способствовали формированию процесса культурной гибридизации. Многие русские женщины, вышедшие замуж за китайцев, придерживались своей веры, крестили своих детей, а иногда и сами китайцы принимали православие¹²⁶. Часто православие сливалось с китайскими верованиями¹²⁷.

Помимо китайцев русские женщины вступали в брак с маньчжурами. Маньчжуры учитывали, что, имея помощницу в лице русской женщины, они будут иметь хорошую хозяйку. Многие русские женщины в Китае устраивали жизнь успешнее, становясь женами иностранцев¹²⁸.

¹²⁴ Тен Н. В. Представления современных китайцев о русском народе и его основных чертах // Этнографическое обозрение. 2010. №4. С. 189-200.

¹²⁵ Оглезнева Е. А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект историко-лингвистический очерк // Слово: фольклорно-диалектический альманах. 2011. №9. С. 7-25.

¹²⁶ Монгуш М. В. Русское культурное наследие в Синьцзяне // Журнал Института наследия. 2016. №2(5). С. 2-8.

¹²⁷ Ставров И. В. Элосьцзу – осколок Русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. №4(94). С. 166-133.

¹²⁸ Хисамутдинов А. А. Русские женщины в Китае... 2013. №3. С. 124-127.

Как мы уже упомянули ранее, особое место в процессе культурной гибридизации является союз, брак, межрасовая связь, сексуальные отношения русской женщины и китайского мужчины. Плюс ко всему, при первых контактах с Другим/Чужим, и особенно при самой первой встрече, мы очень озабочены сексуальностью Чужого¹²⁹. Сексуальная культура, сексуальность или секс Другого/Чужого актуальны в данном случае.

Сексуальные традиции русских приковывали пристальное внимание китайцев. Многие традиции рассматривались в негативном ключе. Отношения между мужчиной и женщиной в царской России не описаны как целомудренные и «консервативные» в отличие от восточных обществ. Среди некоторой части китайского населения существует не только стереотип о «моральной распущенности», присущей жителям России, но даже о «культе секса» в российском обществе¹³⁰. Другая/Чужая женщина рассматривается как объект мужского желания, она сексуально распущенная, гиперсексуальная. Как правило, Другой/Чужой – сексуальный насильник или человек, помешанный на сексе. Насилие к Другой/Чужой женщине доминирующая норма¹³¹.

В соответствии с современными представлениями китайцев, молодые русские женщины необычайно красивые: «золотистые волосы, зеленые глаза», стройная фигура, длинные ноги. Китайские авторы отмечают, что женщины в России умеют со вкусом одеваться. Они подчеркивают особое умение русских женщин элегантно носить юбки. Китайские женщины «сначала задирают

¹²⁹ Якушенкова О. С. Образы сексуальности Чужого как фактор, маркирующий фронтальную гетеротопию // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014, №2(39). С. 346-352.

¹³⁰ Тен Н. В. Представления современных китайцев о русском народе и его основных чертах // Этнографическое обозрение. 2010. №4. С. 189-200.

¹³¹ Якушенкова О. С. Образы сексуальности Чужого... 2014, №2(39). С. 346-352.

юбку, а потом садятся, чтобы ее не помять», а женщины в России «аккуратно прижимают юбку к телу, а потом садятся»¹³².

Русские женщины иммигрировали в Китай не только вдоль береговой линии, но и во многие китайские города. Русские девушки работали в ресторанах, барах, танцевальных залах, гостиницах, на показах моды и кабаре. Часто русские девушки, приезжавшие из Харбина в Шанхай в надежде найти себе жениха и работу, попадали в публичные дома. Бизнес процветал везде, где работали русские девушки, так как китайцы покровительствовали этим заведениям, находили их экзотическими. Белая женщина была воплощением западного образа жизни и современности на протяжении всего XX в. в Китае. А китайские женщины являлись признаком феодального гнета для многих китайских мужчин. Хорошим примером является сериал «Русские девушки в Харбине» (1994), где центральное место занимают китайские мужчины, позиционирующие себя как владельцы власти и капитала, а иностранные женщины, желающие заработать, являются подчиненными экономическому господству китайских мужчин. Другим примечательным примером является фильм «Дикий поцелуй» (1995), в котором возможность подчинить иностранных женщин себе символизирует не только возрождение маскулинности китайцев, но и подъем самой китайской нации¹³³.

Сексуальная идентичность Другого/Чужого актуальна в изучении не только на первоначальной стадии, но и на протяжении всего процесса культурной гибридизации, так как наилучшим образом отображает встречу и смешивание двух или более культур. В свою очередь, алиментарная культура является базовой частью любой этнической и национальной культуры, представляет собой систему культурных кодов, вокруг которых выстраиваются и остальные части культуры. С помощью различных пищевых

¹³² Тен Н. В. Представления современных китайцев... 2010. №4. С. 189-200.

¹³³ Sheldon H. L. Soap Opera in China: The Transnational Politics of Visuality, Sexuality, and Masculinity // Cinema Journal. University of Texas Press. 2000. №40(1). P. 25-47.

символов и метафор мы познаем мир, так сказать, «впитывая его с молоком матери». Алиментарная культура встроена в картину мира всех народов с помощью множества механизмов¹³⁴. Исходя из этого, алиментарная культура детально отражает сформировавшуюся гибридную культуру в русской диаспоре Китая. В частушках находит отражение непривычность китайской кухни для русских женщин: «*Ой, милочка моя, / Почему ты похудела? / – За китайцем я была, / С пару манты ела*»¹³⁵. Выбранная нами частушка не относится к гибридной культуре, однако, она косвенно имеет к ней отношение, так как гибридная культура формируется в результате встречи с Другим/Чужим.

Многие блюда были завезены русскими иммигрантами. В Китае русские использовали русские печи для приготовления пищи¹³⁶. Различия кулинарной культуры Китая и России – состоят не только в традиции питания, но и в способе приготовления. Заметим, что такие семантические поля как «печь 烤» и «парить 蒸» имеют как сходства, так и различия¹³⁷. Изменение кулинарной лексики отчетливо отражает не только межкультурную коммуникацию различных народов, но и процесс культурной гибридизации. Поэтому в условиях активного межкультурного диалога способы приготовления пищи будут зависеть от двух или более различных культур. Вероятно, в культуре появлялось совершенно новое гибридное семантическое поле, которое

¹³⁴ Якушенков С. Н., Сун Цзе. Культурная безопасность и факторы развития национальной алиментарной культуры // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. №4(45). С. 247-253.

¹³⁵ Забияко А. А., Забияко А. П., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. 2016. №17. С. 109-125.

¹³⁶ Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №1. С. 102-121.

¹³⁷ Лю Лифэнь. Сопоставление семантических полей русских и китайских кулинарных глаголов «печь 烤» и «парить 蒸» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №12-1(66). С. 116-121.

скрещивает в себе два глагола – русского «печь» и китайского «парить».

Хотелось бы заметить, что русский и китайский языки являются гибридными языками, так как контакты между данными языками в истории очень многочисленны. В истории России и Китая не трудно найти примеры лингвистической гибридизации. После событий Октябрьской революции в России множество слов было заимствовано Китаем. На сегодняшний день в китайском языке используются такие исторические слова как большевик (布尔什维克), меньшевик (孟什维克), советы (苏维埃), самовар (茶炊) и мн. др.

От гибридной идентичности к гибридной культуре. Всеобщими терминами обозначающими русских в Китае считаются *элосыцзу жэнь* (俄罗斯族人) и *элосы жэнь*. Также можно встретить термин «русские в Китае» (*чжунго дэ элосыцзу*). В массовом сознании китайцев второй термин служит для обозначения как гражданской, так и этнической принадлежности. Во многих русско-китайских словарях между этими понятиями нет четкого различия¹³⁸. Термины *элосыцзу жэнь* и *элосы жэнь* несут историческую значимость в изучении гибридной идентичности русских в Китае. Современные *элосыцзу* – это потомки браков между русскими и китайцами, что позволяет отнести данный термин к гибридности. В обиходе и иногда в научной литературе используют термин *хуньсюжэнь* (混血人) – люди со смешанной кровью, т.е. метисы. В повседневности иногда употребляется слово *эрмаоцзы* (二毛子) – обрусевшие русские, потомки межнациональных браков, данное слово несет негативный оттенок. В настоящее время китайцы используют термин *элосыцзу*, либо *хуаэ*

¹³⁸ Тен Н. В. Представления современных китайцев... 2010. №4. С. 189-200.

хоуи (华俄后裔) – потомки китайцев и русских¹³⁹. Также можно встретить термин «русский харбинец», который появился вместе с основанным 16 мая 1898 г. городом Харбином. Прибывшие на место строительства главного узлового центра КВЖД русские работники стали не только основателями молодого города, но и первыми его жителями на китайской территории¹⁴⁰.

«Русская народность Китая» имеет небольшую численность, но при этом входят в число 56 национальностей, проживающих в настоящее время на территории Китая. Они также представляют одно из 22-х национальных меньшинств в Китае численностью менее 100 тыс. человек¹⁴¹. Заметим, что в Китае существует особое направление национальной политики – охрана культуры этнических меньшинств. Законодательство Китая защищает право неханьских народов на сохранение и развитие традиционной культуры, религии, верования и языка¹⁴².

В результате межрасовых, смешанных, интернациональных браков появлялось поколение детей – метисов. Данный случай в истории Китая и России, показывает, что культурная идентичность иммигрантов на чужой территории в любом случае изменяется и превращается в иную идентичность, совершенно незнакомую человечеству – гибридную идентичность. Следовательно, русская диаспора в Китае – это смешанное пространство, где проживают не только русские и китайцы.

¹³⁹ Ставров И. В. Элосьцзу – осколок Русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. №4(94). С. 166-133.

¹⁴⁰ Курто О. И. Понятие «русские харбинцы» и его современное значение // Этнографическое обозрение. 2011. №1. С. 131-145.

¹⁴¹ Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №1. С. 102-121.

¹⁴² Ставров И. В. Элосьцзу – осколок Русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. №4(94). С. 166-133.

Сложилась внутренняя разница между русскими-китайцами. Жители современного китайского приграничья являются уже редко вторым, чаще третьим, а в основном четвертым и пятым поколением потомков межнациональных браков начала XX в. Родоначальниками современных «русских» фамилий будут русская прабабушка и китайский прадедушка, рожденные в начале XX в. В 1954 г., когда часть китайско-российских потомков вступали в китайское гражданство, большинство выбирало себе нацию «хань», которая является основным этническим образованием Китая, а не русскую нацию, которая составляла в Китае этническое меньшинство, по причине нежелания возвращаться в Советский Союз¹⁴³. В Харбине русских, менявших гражданство, называли «харбинские редиски» – красные снаружи, белые внутри¹⁴⁴.

В 1990 г. многие изменили свою национальность с ханьцев на русских, когда в Китае провозгласили равноправие национальных меньшинств¹⁴⁵. Одни метисы склонялись к принадлежности китайского народа, другие к русскому. Некоторые могут называть себя «настоящими китайцами», некоторые из них в пользу наличия гибридной идентичности могут идентифицировать себя как российско-китайских или китайско-российских личностей, русскими азиатского происхождения или китайцами русского происхождения, синьцзянскими русскими и мн. др. Новая идентичность, отличается от прежней, начальной, она не зависит от России или Китая, она зависит от культуры, которая сформировалась в результате межкультурного диалога китайцев и русских.

Само понятие самоидентификация означает попытки определить свое место в мире, доказать самим себе свое

¹⁴³ Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2014. №2(42). С.133-142.

¹⁴⁴ Barker A. M., Gheith J. M. A History of Women's Writing in Russia: Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 54-55.

¹⁴⁵ Го Мен. Миграция населения из России в Китай: исторический опыт натурализации и сохранения самобытности (конец XVII - XX века) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. №2. С. 71-77.

исключительное право на существование. Французский философ П. Рикер в своей книге «Самость и инаковость», отмечает, что самость (*self*), т.е. наша сущность (идентичность – *same, identity*), «обнаруживает себя в контексте сравнения; ее противоположностями являются «Другой», противоположный, различный, непохожий, неравный, обратный».¹⁴⁶ Но наша самость есть еще и наше право быть другим¹⁴⁷.

Приграничный Харбин. Тенденция к расселению этнической диаспорой преобладала в течение долгого времени активной эмиграции русских в Китай. Русская диаспора в Китае начала формироваться в XVII в.¹⁴⁸ В начале XX в., с открытием КВЖД, в Китае стала бурно развиваться группа городов. Особое значение приобрел город Харбин – центр провинции Хэйлуцзян (известный как «Восточный Париж», «Восточный Петербург», «Восточная Москва»), который быстро превратился в международный центр¹⁴⁹.

Российский ученый Н. Д. Старосельская в своей книге отмечает: «Пестрый, шумный, яркий, многонациональный, этот город действительно в чем-то схож с Санкт-Петербургом, а местами – с Москвой и другими крупными городами Российской империи. Возникнув на месте маленького китайского селения, он как-то очень быстро вырос и приобрел важное значение для всей Маньчжурии»¹⁵⁰.

В истории российско-китайского трансграничного взаимодействия (конца XIX – начала XX вв.) существует ряд

¹⁴⁶ Ricoeur P. *Oneself as Another*: Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 3.

¹⁴⁷ Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. *Чужой и культурная безопасность*: Москва: РОССПЕН, 2013. С. 37.

¹⁴⁸ Курто О. И. Понятие «русские харбинцы» и его современное значение // *Этнографическое обозрение*. 2011. №1. С. 131-145.

¹⁴⁹ Тен Н. В. Представления современных китайцев о русском народе и его основных чертах // *Этнографическое обозрение*. 2010. №4. С. 189-200.

¹⁵⁰ Старосельская Н. Д. *Повседневная жизнь «русского» Китая*: Москва: Молодая Гвардия, 2006. С. 42.

факторов, которые позволяют отнести Харбин к приграничному городу: эмиграция населения в Харбин из стран Европы, Азии и Америки; географическое расположение в Маньчжурии; функционирование Харбина как административного центра КВЖД, а сегодня как административного центра провинции Хэйлунцзян; конфликты на границе между Китаем и Россией за право эксплуатации КВЖД; смешение различных культур внутри урбанистического ландшафта Харбина; формирование города вне фронтального топоса; на современном этапе сохраняется многообразии культур в урбанистическом ландшафте города при условии, что граница там отсутствует.

Мы рассматриваем Харбин не только как административный и политический центр российской эмиграции в силу его положения на перекрестке различных водных, сухих, железных и торговых дорог, но и как «перекресток» различных рас, этносов, культур. Фронтальный характер Харбина сохранился за счет такого культурно-исторического явления как культурная гибридность. Харбин представляет собой важную территорию для изучения трансграничной коммуникации в историческом процессе. Этническое разнообразие населения Харбина предопределяет культурный диалог на российско-китайской границе. В истории данного трансграничного региона миграционные процессы оказывали влияние на культурные, духовно-конфессиональные, гендерные, экономические, политические и прочие процессы.

Наиболее подходящим местом для административного центра КВЖД стал Харбин. Территориальное положение на пересечении большого водного пути и железной дороги предопределило развития Харбина как административного центра, а наличие приграничного положения и проживания бок о бок различных народов и культур обусловило его историко-культурную особенность¹⁵¹. Харбин и

¹⁵¹ Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китай. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.): Москва: Русская панорама. 2005. С. 56.

КВЖД привлекли много людей в Маньчжурию из различных стран мира, а с ними и разные культуры мира, огромные капиталы, новую торговлю, ремесло, промышленность и внимание мировых рынков. Именно КВЖД являлась краеугольным камнем многих конфликтов между Россией, Китаем, Японией и другими государствами, так как железная дорога являлась новым особым этапом российской колонизации Дальнего Востока.

Строительство поселений вдоль КВЖД являлось новым градостроительным опытом, который осуществляла Россия. Отечественный историк Н. Е. Аблова отмечает, что КВЖД – это не просто железная дорога с рельсами, шпалами, подвижным составом, железнодорожными станциями и обслуживающим персоналом. Воплощение проекта КВЖД привело к возникновению в Маньчжурии культурного феномена – на пустынных китайских землях сформировалось в виде КВЖД «государство в государстве». Полоса отчуждения – это особая территория, со своей четкой границей, с многонациональным населением¹⁵². На современном этапе Харбин не утратил своего приграничного характера, при условии отсутствия там российско-китайской границы. Несомненно, Харбин в истории России и Китая сформировался как город вне фронтального топоса. Город потерял политическую, географическую, военную-административную функции для России, но современный урбанистический ландшафт этого города полностью соответствует фронтальному городу – места, где в истории происходила встреча различных культур и их смешивание.

Города, образованные вдоль КВЖД имели высокие темпы развития. Харбин, возникший на пути из Европы в Азию в 1898 г. сформировался в течение двадцати лет как европейско-азиатский город. В размерах своего роста Харбин был сопоставим с американскими городами на Диком Западе¹⁵³.

¹⁵² Там же. С. 79.

¹⁵³ Петров В. П. Город на Сунгари. Очерки и рассказы: Вашингтон: Издание Русско-Американского исторического общества, 1987. С. 11-12.

Со временем Харбин стал чудом современной китайской урбанизации. Харбин стал центром моды в одежде, еде, кино, театра, музыки и мн. др. Русская иммиграция не была единственной. В Харбине присутствовали другие представители европейской культуры – французы, итальянцы, англичане, немцы, поляки и мн. др., которые так же оказывали свое влияние на культурный облик города – образуя харбинскую архитектуру, алиментарную и вестиментарную культуры с международным колоритом¹⁵⁴. «Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?» или «Это Россия или Китай?» – жители этого города стали задавать себе эти вопросы с начала 1920-х гг. «Мы оказались среди двух миров, – писала русский поэт Л. Ю. Хаиндрова – Харбин был китайским городом. Харбин оставался старорежимным русским городом, и о нем можно было сказать здесь русский дух, здесь Русью пахнет»¹⁵⁵. Русский писатель Вс. Н. Иванов указывает, что в Харбине замечается особый и оригинальный гибрид, сформировавшийся в результате общих трудов народов Китая и России¹⁵⁶.

Первоначально на месте застройки Харбина китайцы, русские, корейцы и японцы вели активную межкультурную коммуникацию, работали на новых землях, растили пшеницу, бобы, рис, выхаживали скот, рубили лес, экспортировали масло, производили вино. Для удовлетворения экономических, культурных и религиозных потребностей харбинцы создавали отдельные экономические и культурные объединения. Евреи занимались крупной коммерцией, экспортом и импортом. Татары – скупкой пушнины, шерсти, кож и мануфактурно-галантерейной торговлей. Грузины организовывали ресторанное дело, открывали столовые, увеселительные места. Армяне создавали конфетно-шоколадное и кондитерское дело.

¹⁵⁴ Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине... 2014. №2(42). С.133-142.

¹⁵⁵ Хаиндрова Л. Ю. Сердце поэта: город Калуга: Полиграф-Информ, 2003. С. 274.

¹⁵⁶ Иванов Вс. Н. Харбин. 20-е годы. Из неопубликованного: Ленинград, 1994. С. 32.

Среди всякого рода дельцов конкуренция проявлялась очень слабо, а основной проблемой была нехватка деловых кадров из центральной России. В рамках общественной жизни были организованы: Харбинская Еврейская Духовная Община «ХЕДО» (1903 г.), Харбинская Мусульманская Духовная Община (1904 г.), Украинский национальный дом, Армянская община, Харбинская Грузинская Община. Грузины были первые, кто открыл общественную читальню и библиотеку¹⁵⁷. Также отметим, что преимуществом Харбина несмотря на многоукладность различного населения, являлось сплоченность городского сообщества¹⁵⁸. Со временем в Харбине начали функционировать международные фирмы по снабжению техникой, связью, транспортом, гастрономией, алкоголем, мебелью и мн. др.

Русские эмигранты жили в Харбине, сохраняя собственные традиции – ели блины на Масленицу, катались вместо троек на рикшах, на Пасху был слышан звон колоколов православных храмов и церквей¹⁵⁹. Тысячи русских харбинцев принимали участие в крестном ходе. Среди зрителей было много китайцев, корейцев и японцев¹⁶⁰. Харбин в провинциальном отношении мало чем уступал Москве в числе православных храмов. В фильме японского режиссера Симадзу Ясудзиро «*Watashi no uguisu*» (1994), город Харбин представлен современным западным городом в Китае с особой природой, имеющим православные соборы, большие кресты и музыку. К началу 1940-х гг. в Харбине было более 20 православных храмов и более десятка культовых построек других конфессий. Сегодня в городе действует одна православная церковь,

¹⁵⁷ Таиров М. Кто и как строил Харбин? // Политехник. 1972. №4. С. 109-118.

¹⁵⁸ Антропов О. К., Мещеряков А. Ю. Сунгарийский город вне границы: культурная гибридность в условиях трансграничного пространства Харбина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №4(57). С. 35-41.

¹⁵⁹ Иванов Вс. Н. Харбин. 20-е годы. Из неопубликованного: Ленинград, 1994. С. 54.

¹⁶⁰ Луч Азии. Харбин. – 1941 г. – №77(1), февраль.

хотя сохранилось их пять. Сохранились костел, синагога, мечеть, однако они не используются по своему прямому назначению.

Китайцев и японцев поражало то, как могут русские зимой купаться в ледяной воде, и убеждались, что именно горячая вера помогает русским делать это¹⁶¹. Е. П. Кишкина в своей книге вспоминает: «Но еще больше поразили меня крещенские обряды, сохранившиеся в Харбине. В тот год (январь 1947 г.) стояли страшные холода, морозы доходили до минус 30 градусов»¹⁶².

Вывески харбинских предприятий на Большом проспекте и Китайской улице, отражали культурную гибридность – «Лучшая мануфактура Цхомелидзе-Микатадзе», «Фабрика Ипсиланти», «Торговый дом Петрова», «Кавказский ресторан Татос», «Магазин Лондон В. Н. Мичкова», «Склад Тянь-Ты-Син», «Европейские бани», «Иокогама Спешу Банк», «Магазин Токива», «Т./Д. Мацуура», «Мусульманское углепромышленное товарищество»^{163, 164, 165}.

Согласно социально-экономической программе освоения Маньчжурии большинство служащих КВЖД должны были иметь комфортабельное жилье – особняк. На тот период времени в России нельзя было встретить большой концентрации особняков на большой территории. Некоторые особняки и многоквартирные дома для служащих КВЖД имели китайские крыши – «Азия над Европой», а в саду дома можно было встретить китайскую беседку¹⁶⁶. Большинство зданий в Харбине имели китайский колорит. Подобной архитектуры нельзя было встретить в центральной России¹⁶⁷.

¹⁶¹ Луч Азии. Харбин. – 1943 г. – №101(1), декабрь.

¹⁶² Кишкина Е. П. (Ли Ша). Из России в Китай – путь длиною в сто лет: мемуары / Е. П. Кишкина (Ли Ша). – М: Издательский проект. 2014. С. 252.

¹⁶³ Нация. Харбин. – 1938 г. – №17, 1 ноября.

¹⁶⁴ Нация. Харбин. – 1939 г. – №38, 5 декабря.

¹⁶⁵ Нация. Харбин. – 1938 г. – №21, 10 декабря.

¹⁶⁶ Архитектура и жизнь. Харбин. – 1921 г. – №3, январь. С. 6-7.

¹⁶⁷ Нилус Е. Х. Исторический обзор сооружений Китайской Восточной железной дороги 1896-1923: Санкт-Петербург: Альфарет, 2012. С. 176.

Лингвистическая гибридизация проявляется в повседневности китайцев Харбина, которые могут говорить по-русски. Многие слова вошли в жизнь не только города, но и китайского языка в отдельных местах Китая, где проживали и продолжают жить русские: мадам, базар, платье, грубая колбаса, блин, пасха, окрошка, пиво и мн. др. В прозе русских писателей Харбина содержится два-три китайских заимствованных слова, чаще всего *фанза* – дом, а также слово *чифан* – есть (吃饭 – «кит. «обедать, ужинать»)¹⁶⁸. В 1939 г. на полках чуринского магазина можно было встретить русско-японский-маньчжурский словарь, в котором имелся раздел – заимствованные и часто употребляемые слова в Харбине¹⁶⁹.

Исследователи творчества поэтов и писателей русского Харбина отмечают, что их произведения вобрали в себя традиции классики и «серебряного века», «монпарнасские» веяния и экзистенциальные мотивы¹⁷⁰.

Города Харбин, Порт-Артур и Дальний (Далянь) сочетали в себе гибридную планировку, смешивающую в себе две относительно самостоятельные части – китайскую и европейскую. Большинство европейских тенденций были инкорпорированы из Москвы и Санкт-Петербурга. В основу проектов новых городов, возникавших на заре нового века, была заложена идея города-сада. Город-сад – это иная концепция, которая берет свое начало от англичанина Э. Говарда. Особую популярность идеи Э. Говарда получили среди руководства железных дорог. В этих городах проявился передовой характер самой отрасли, ее ориентированность в будущее, связь с европейской системой образования, да и в целом

¹⁶⁸ Гончаренко О. Г. Русский Харбин: Москва: Вече, 2009. С. 44.

¹⁶⁹ Луч Азии. Харбин. – 1939 г. – №53(1), 6 января.

¹⁷⁰ Аурилене Е. Е. Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор // Проблемы Дальнего Востока. 2013. №3. С. 128–136.

высокий уровень образованности¹⁷¹. Город-сад предполагал единовременное создание живописной планировки всего участка состоящей из домов на одну семью и необходимой инфраструктуры – культурных, образовательных, спортивных, развлекательных учреждений, а также района с производственными предприятиями¹⁷².

Со временем Харбин сформировался как академический центр России и Китая на Дальнем Востоке. За время своего существования в Харбинском политехническом институте (далее ХПИ) менялись пространственная организация, название института, дополнялся состав профессоров, создавались и закрывались факультеты, изменялась «дисциплинарная власть». Изначально в 1920 г. политехнический институт сформировался в результате притока в Харбин российских эмигрантов. Затем в 1924 г. перешел под совместное советско-китайское управление. В 1935 г. прекратил существование как русско-китайский политехнический институт и продолжил развиваться под влиянием японской власти Маньчжоуго. В 1945 г. советская власть ввела новую систему обучения инженеров. В итоге в 1950 г. ХПИ окончательно был передан под управление КНР. Изучение разных периодов истории развития ХПИ с точки зрения постструктурализма показало, что межкультурная коммуникация между китайскими, российскими и японскими студентами ХПИ не прекращалась из-за изменения власти и установления новых дисциплинарных методов¹⁷³.

Одним из смешанных мест города Харбина являлся Зеленый Базар с узкими извилистыми улочками, плотно застроенными различными домами. Зеленый Базар являлся рынком для горожан, а

¹⁷¹ Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Часть 2 // Журнал Фронтирных Исследований. 2017. №1(5). С. 8-36.

¹⁷² Корчагина О. А. Города-сады Дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-Артур, Харбин // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. №6. С. 668-675.

¹⁷³ Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Харбинский политехнический институт в 1920-1972 гг. // Манускрипт. Грамота. 2019. №6(12). С. 68-72.

также находился между Новым Городом и Корпусным, Госпитальным городками. В сложных условиях перенаселенности района в нем существовала харбинская бедность. Самая бедная часть иммигрантов оседала именно в этом районе, пытаясь построить собственный дом. Там жили русские и китайцы, смешивались языки, привычки, быт. Каждый район Харбина застраивался быстро и хаотично, и уже с 1914 г. «Зеленый Базар» не выделялся своей экзотичностью на фоне других районов Харбина.

В любимом месте отдыха харбинцев – районе Затон, можно было встретить русских и китайских лодочников на традиционных китайских лодках с именами «Москва», «Наташа», «Рязань», «Казань», «Красотка»¹⁷⁴. Одним из символов города и реки являлся «Железнодорожный речной клуб» или яхт-клуб, основанный в 1912 г. на правом берегу Сунгари, созданный по проекту российского инженера для досугового пространства служащих КВЖД и харбинцев. Ежегодно по сунгарийским волнам устраивали парусные гонки на первенство в Харбине по инициативе спортивного отдела Главного Бюро эмигрантов. Яхты и ботики имели различные названия «Шалун», «Русалка», «Теге», «Шквал» и др.¹⁷⁵ На страницах харбинского журнала «Рубеж» от 1907 г. Яхт-клуб указан, как «летний оазис гурманов в Харбине»¹⁷⁶. Сегодня в реставрированном здании располагается ресторан европейской кухни, пивоварня и музей истории яхт-клуба¹⁷⁷.

Интересная гибридизация произошла в Харбине с пивом. Пиво импортировалось в 1900 г. для того, чтобы удовлетворить потребности русских иммигрантов в Китае. Известный русский предприниматель Улубулевский открыл в Харбине первый

¹⁷⁴ Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая: город Москва: Молодая Гвардия, 2006. С. 59-61.

¹⁷⁵ Луч Азии. Харбин. – 1942. – №97/9. – Июнь. С. 34.

¹⁷⁶ Рубеж. Харбин. – 1907. – №29(650). – Июль. С. 16.

¹⁷⁷ В Харбине в здании бывшего яхт-клуба КВЖД откроют ресторан с русской кухней. – Режим доступа: <https://www.amur.info/news/2015/12/19/104755>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата посещения: 06.08.2019).

пивоваренный завод. Впоследствии под влиянием алиментарной культуры русских иммигрантов харбинцы, которые вначале не понимали вкуса этого напитка, полюбили вкус пива. Неожиданно новая культурная тенденция «пить пиво» приглянулась в Харбине за пределами русской диаспоры. Так пиво превратилось в популярный напиток в Харбине. Каждым летом в Харбине на Центральном проспекте можно наблюдать уникальное культурное явление – пивной фестиваль, где можно увидеть китайцев, русских и иностранных туристов с кружкой пива в руке¹⁷⁸. Так харбинское пиво – *ха пи* (哈尔滨啤酒) превратилось в самое популярное пиво в Китае и стало частью китайской кухни. На сегодняшний день «харбинское пиво» – это огромная корпорация с 14 заводами в разных городах Китая. Крайне редко в ресторанах Харбина можно увидеть столик, на котором не стояла бы бутылка «харбинского» или бокал разливного пива. Многие блюда к пиву, появились в Китае при содействии российской гастрономии. В качестве примера, можно привести закуску к пиву – «вареные раки», «копченая корюшка», «селедка под шубой»¹⁷⁹.

Здесь уместно вспомнить, что с одной стороны, в России, как и в Китае, для гостей всегда открывают новую бутылку спиртного. Если приглашают друзей в гости, то мероприятие обходится почти в ползарплаты, потому что «дружба дороже денег»¹⁸⁰.

В Харбине помимо китайских, можно встретить много ресторанов русской кухни: «Брежнев», «Татос», «12 стульев», «Восточная Москва», «Гоголь бар», «Русский размер» и мн. др. Одним из популярных и любимым русскими мест является ночной клуб «Blues Bar», он же «Болозы Джейба». В основном его

¹⁷⁸ Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур. Гуманитарный вектор. 2015, 2 (42), стр. 128-135.

¹⁷⁹ Грибин С. «Харбинское пиво» – русские корни? Любителям пива и путешествий. – Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/meal/articles/13240>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 17.07.2017).

¹⁸⁰Тен Н. В. Представления современных китайцев о русском народе и его основных чертах // Этнографическое обозрение. 2010. №4. С. 189-200.

посещают русские студенты, танцовщицы, проститутки, бизнесмены. В рекламных целях клуб использует русскую тему, что привлекает в него большое количество самой интернациональной публики¹⁸¹.

Своеобразную сферу в жизни русской диаспоры составляли кабаре «Вигвам», «Кривой Купидон», «Ко всем чертям», «Бродячие собаки», «Chat noir», «Летучие мыши», «Black cat» и мн. др., возникавшие в среде актеров, художников, поэтов и музыкантов. Постепенно кабаре становились доступными и для обывателей. Для многих китайцев русские кабаре стали излюбленным местом, особенно если в них имелась китайская этническая специфика и присутствовали русские женщины. В отдельном городе Китая одновременно действовало несколько кабаре, где можно было встретить множество китайцев. «Кто с женой избрал банальность, в Ша-нуар не приходи. / В Ша-нуаре не обычно – и особый четкий стиль / Временами неприлично – но приличие – костыль!» (*Песенка Ша-нуара*)¹⁸².

Процесс гибридизации приводит в конечном итоге к появлению целого ряда новых культурных свойств, форм, явлений в истории России и Китая. В ответ на приток русских иммигрантов литературные, театральные и музыкальные произведения стали регулярно появляться в XIX – XX вв.

В 1907 г. в китайской истории впервые обратились к постановкам русской драматургии. Обществом «Чунь лю» была поставлена пьеса по мотивам романа Л. Н. Толстого «Воскресенье». Спустя несколько лет к этому роману обратилась женская труппа «Куй дэшэ» (*Сияющая добродетель*) и создала спектакль «Отказ от свадьбы». С 1919 г. по 1924 г. на сцене китайского театра ставили

¹⁸¹ Курто О. И. Понятие «русские харбинцы» и его современное значение // Этнографическое обозрение. 2011. №1. С. 131-145.

¹⁸² Черкашина С. А. Традиции серебряного века в культуре русской эмиграции в Китае // Проблемы подготовки кадров для сферы искусства и культуры. Материал научной конференции. 2001. С. 57-62.

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Грозу» А. Н. Островского. В 1921 г. в Тяньцзине «Новая нанькинская театральная труппа» осуществила постановку по мотивам произведения Н. В. Гоголя «Ревизор» в переводе Хэ Цинмина. Постановка получила живой отклик у китайской публики, стала транслироваться в Китае в разных вариантах перевода. Герои в пьесе имели китайские имена и были одеты в китайские костюмы чиновников. В 1938 г. систему К. С. Станиславского на уроках актерского мастерства стали применять Хуан Цзолинь и Дань Ни¹⁸³.

Несомненно, что первоначально харбинцы предпочитали в качестве развлечений и досуга цирк и театр. Но в 1905 г. был открыт первый кинотеатр – «Французский электро-кинематографический театр». Спустя некоторое время в Харбине появилось множество кинотеатров: «Америкэн», «Стар», «Гигант», «Ориент», «Модерн» и др., где в 1930-е гг. доминировали фильмы американских киностудий. Очень редко транслировались французские и английские картины¹⁸⁴. Со временем в Харбине было начато производство киноаппаратов для кинотеатров Маньчжоу-Го и Китая компанией «Токува-эйки-компани»¹⁸⁵.

Таким образом, можно говорить, что Харбин – это гибридный город, «перекресток» культур, территория, где наиболее заметно смешивание различных культур.

Трансграничные города. Возникновение торгово-ремесленных центров – городов на российско-китайском фронтире было прежде всего результатом деятельности русских переселенцев. Новые города в условиях фронта можно представить, как «культурный сплав», где происходит радикальная трансформация

¹⁸³ Шулунова Е. К. Драматический театр Китая хуацзюй и русская театральная культура. // Международная научно-практическая IV конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Благовещенск. Издательство БГПУ. 2014. Выпуск 4. С. 431-434.

¹⁸⁴ Рыкунов Д. Э. Русский кинематограф в Харбине (1900-1945 гг.) // Известия восточного института. 2013. №1(21). С. 51-60.

¹⁸⁵ Рубеж. Харбин. – 1932. – №7(732). – Февраль. С. 2-3.

традиционного образа жизни, занятости, досуга под воздействием новой территории. Фронтирному городу принадлежит важнейшая роль в благоустройстве и исторической эволюции конкретных территорий¹⁸⁶.

Наиболее наглядно к числу подобных городов можно отнести Благовещенск – Хэйхэ. Географическое положение этих двух городов, разделенных рекой Амур, по которой проходит российско-китайская граница, подчеркивает взаимосвязь развития российско-китайского фронта. Расположение в верховьях р. Амур, где ее ширина не так велика, как ниже по течению, дает городам преимущество постоянного визуального контакта. Будучи почти одинакового размера, эти города считаются самой густонаселенной российско-китайской парой приграничных городов¹⁸⁷. Благовещенск – Хэйхэ являются «городами-близнецами». Понятие «города-близнецы» (*twin cities*) применимо в отношении городов, разделенных внешней государственной границей. Изначально это понятие вошло в употребление в отношении американской пары городов Миннеаполис и Сент-Пол. Особенно широкое распространение понятие получило в Европейском Союзе, начиная с 2000 г., когда «города-близнецы» преимущественно рассматривались как «лаборатории евроинтеграции»¹⁸⁸. Восприятие соседей в городах Благовещенск-Хэйхэ является неоднозначным по обе стороны границы. Китайцы, проживающие в российско-китайском приграничье, одновременно считают Россию значимым

¹⁸⁶ Ершов М. В. Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири // Вестник угроведения. 2011. №4(7). С. 125-135.

¹⁸⁷ Михайлова Е. В. Благовещенск и Хэйхэ: «города-близнецы» как туристический территориальный бренд. // Материалы международной конференции: «Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества». 2014. №4. С. 506-512.

¹⁸⁸ Михайлова Е. В. Роль трансграничного территориального образования Благовещенск-Хэйхэ в российско-китайском приграничном сотрудничестве // Материалы международной конференции: «Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества». 2013. С. 297-300.

источником благ, поставщиком необходимых ресурсов для китайской промышленности, рынком сбыта китайских товаров и помнят, что русские появились в Северо-Восточной Азии относительно недавно и не раз стремились захватить китайскую территорию¹⁸⁹. В Хэйхэ сформировалось «коммерциализированное» представление о России как о стране, готовой в массовом количестве закупать китайские товары. Все вывески торговых точек в Хэйхэ написаны китайскими иероглифами и кириллицей. Указатели на улицах также дублируются на двух языках. Главная торговая улица носит название «улица российских товаров». Торговля в целом подстроена под российского покупателя¹⁹⁰. Отметим, что торговля в данных трансграничных городах в разные периоды времени отличалась. Так, например, в 1871 г. в Благовещенске можно было встретить маньчжуров, торгующих на благовещенской ярмарке мехами, маньчжурскими шапками, водкой, картинами, конфетами и мн. др. Примечательно, что самый продаваемый товар у американцев («искателей приключений из Калифорнии») на ярмарке являлась водка¹⁹¹. В представлении жителей Хэйхэ российско-китайская граница становится условной, так как оба пространства начинают сужаться и синтезироваться – образуется гибридная культура, где границы идентичности стираются. В противоположность «западной» топонимике, вывесок на китайском языке мало, причем они сконцентрированы в основном в районе таможни, а названия заведений китайской кухни не отражают

¹⁸⁹ Бляхер Л. Е., Зеликова Ю. А. Культурные особенности экономического трансграничного взаимодействия (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №1(7). С. 90-102.

¹⁹⁰ Окунев И. Ю., Басова Д. В., Тисленко М. И. Особенности формирования идентичностей в ситуации пространственной инверсии (на примере Благовещенска и Хэйхэ) // Вестник МГИМО университета. 2015. №6(45). С. 86-92.

¹⁹¹ Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания: Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. С. 480-487.

приграничного положения Благовещенска: ресторан «Панда», кафе «Мистер Джеки» и ресторан «Гонконг». Если в центре Хэйхэ названия улиц продублированы на русском языке, то в Благовещенске найти подобного нельзя. На сегодняшний день жители Благовещенска идентифицируют себя больше с Западом, нежели с Азией¹⁹².

На границе Благовещенск – Хэйхэ происходит активное контактирование, пересечение и смешивание двух неродственных языков – русского и китайского. Уникальность языковой ситуации в этом дальневосточном регионе состоит в том, что в нем используются для коммуникации разные языки – языки народов, проживающих здесь. Исследователи отмечают, что русские заимствования вошли в северо-восточные диалекты китайского языка – харбинский и хэйхэский – из русско-китайского пиджина¹⁹³. Пиджин – это новый язык, который формируется и развивается из-за необходимости общения среди людей, не имеющих общего языка. Когда люди, говорящие на разных языках, осуществляют постоянную коммуникацию, появляются новые разновидности языка, которые носят название «контактные варианты» – пиджин¹⁹⁴. Люди в новом гибридном сообществе используют пиджин в повседневности, и некоторые из них переходят к нему в качестве основного языка, на котором они говорят со своими детьми. За счет этого пиджин используется расширенно. Дети, растущие в этом контексте, приобретают расширенный пиджин как родной язык (или первый язык), и пиджин становится языком их сообщества. На этом этапе он называется креольский язык¹⁹⁵. Креольский язык, можно

¹⁹² Окунев И. Ю., Басова Д. В., Тисленко М. И. Особенности формирования идентичностей... 2015. №6(45). С. 86-92.

¹⁹³ Шипановская Л. М. Языковые контакты на приграничной территории // Материалы международной конференции: «Языки в различных сферах коммуникации», 2016. С. 76-80.

¹⁹⁴ Siegel J. The Emergence of Pidgin and Creole Languages. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 16.

¹⁹⁵ Ibid. P. 18.

считать сложившимся гибридным языком или лингвистической гибридизацией. Пиджин часто связывают с колониальной историей и считают его результатом колониализма¹⁹⁶. Рассматриваемый нами пиджин является следствием торговых и культурных обменов на границе между русским и китайским этносами. Заимствование слов и образование новых является не только языковым явлением, но и результатом взаимных контактов различных культур в истории. Полиэтничность в Амурском крае и в целом на Дальнем Востоке сопровождалась функционированием различных языков и языковых форм, кроме того, существовали контактные, редуцированные языковые образования для коммуникации русских и китайцев. Русско-китайский пиджин возник во второй четверти XVIII в. в приграничных городах – русской Кяхте (Троицкосавск) и китайском Маймачене¹⁹⁷ в конце XIX – начале XX вв. в Харбине. В Харбине возник особый язык – харбинский русско-китайский пиджин¹⁹⁸. Во второй половине XIX в. активно функционировал неофициальный контактный язык для общения русского и китайского населения края в ситуациях торговли. Этот язык является русско-китайским пиджином – гибридным языком¹⁹⁹. Контактное происхождение первоначально в устной форме, затем пиджин использовался в письменной форме, получая свое графическое осмысление²⁰⁰. Е. П. Кишкина в своей книге отмечает: «В Харбине меня выручало то, что

¹⁹⁶ Drechsel E. J. *Language Contact in the Early Colonial Pacific*: Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 22-24.

¹⁹⁷ Ван Кэвэнь. Языковые контакты Китая и России // *Ученые записки ЗабГУ. Серия: Социологические науки*. 2016. №3(11). С. 62-67.

¹⁹⁸ Ма На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX в. и его влияние на русский и китайский языки и культуры // *Философский науки. Вопросы теории и практики*. 2015. №8(50). С. 122-128.

¹⁹⁹ Оглезнева Е. А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект историко-лингвистический очерк // *Слово: фольклорно-диалектический альманах*. 2011. №9. С. 7-25.

²⁰⁰ Цзян Ин, Шипановская Л. М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №7-1(61). С. 144-152.

кругом звучал русский язык... Наряду с этим в ходу был какой-то невообразимый «воляпюк», «пиджин рашн», на котором местное русское население изъяснялось с китайцами»²⁰¹. В конце 50-х гг. XX в. харбинский русско-китайский пиджин постепенно исчез. Исторические обстоятельства влияли на качество языковой ситуации на трансграничной территории и обуславливали ее динамику²⁰².

Другой приграничной парой городов являются Кяхта – Маймачен. Согласно мнению, отечественного этнографа С. В. Максимова, торговля между двумя государствами Китаем и Россией началась во второй половине XVII в.²⁰³ Кяхта – Маймачен образовали первый официальный центр торговли на российско-китайской границе в XVIII в. Оба города были построены на «пустом месте» по воле императорских властей для регулирования торгового оборота и пресечения нелегальной торговли²⁰⁴. Пограничная крепость на реке Кяхте была заложена в 1727 г. (в год подписания Кяхтинского договора). Вокруг крепости начал активно формироваться торговый город, а в 1805 г. Троицкосавск (Кяхта) получил статус города. Кяхту того времени называли «пустынной Венецией» и «сибирским Гамбургом». В 1730 г. с китайской стороны границы на монгольской территории началось строительство Маймачэна 買賣 (кит. маймай – купля, продажа, торговля) и 城 (кит. чен – город, квартал) – «город, где продают и покупают». Первоначально в Маймачене поселялись выходцы из китайской провинции Шаньси, активно занимавшиеся торгово-ростовщической деятельностью. Начиная с 1772 г., Кяхта становится

²⁰¹ Кишкина Е. П. (Ли Ша). Из России в Китай – путь длиною в сто лет: мемуары: Москва: Издательский проект, 2014. С. 254.

²⁰² Оглезнева Е. А. Языковая ситуация в Приамурье... 2011. №9. С. 7-25.

²⁰³ Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания: Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. С. 531.

²⁰⁴ Намсараева С. Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта-Маймачен // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. №1. С. 21-46.

единственным законным местом ведения российско-китайской торговли. В XVIII в. весьма весомыми являлись поступления от таможенных сборов с оборотов китайско-российской торговли, приходившейся именно на Кяхту. Кяхта являлась исключительно торговым поселением, в нем жили исключительно только мужчины – торговцы, чиновники и военные²⁰⁵. Первоначально пригранична торговля была меновая. Предметом обмена с китайской стороны были чай, тростниковый сахар, шелк, бумажная материя, скот. С российской стороны – пушнина, сукна, юфть, железо, медь в изделиях, живой скот²⁰⁶. Особую роль сыграла отмена в 1762 г. государственной монополии на торговлю пушниной, именно поэтому в Кяхте возросло число купцов, занятых частной торговлей²⁰⁷. Русский этнограф С. В. Максимов отмечает, что в результате такой торговли у китайцев денег столько, что лопатой не прогребешь, а у русских чаю столько, что самый горький бедняк не умеет без него обходиться²⁰⁸.

Кяхта – Маймачен сочетали в себе гибридную планировку, смешивающую в себе две относительно самостоятельные части – китайскую и русскую. Дома в Маймачене строились в китайском стиле, однако внутри зданий обнаруживались китайские и русские элементы. Особенно это была мебель и бытовые предметы. В домах появлялись русские печи, кровати и зеркала. Во многих домах имелась баня. Кяхта с Троицко-Савской крепостью, посадом и гостиним двором служила образцом внешнего облика российского

²⁰⁵ Самойлов Н. А. Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII-XIX вв. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. №4. С. 190-197.

²⁰⁶ Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // *Mongolica*. 2013. №11. С. 28-36.

²⁰⁷ Брумфилд У. Кяхта // *Родина*. 2011. №12. С. 20-24.

²⁰⁸ Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания: Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. С. 489.

поселения²⁰⁹. Путешественник А. Мичи замечает, что в Кяхте особенно занимаются модами, за которыми следят портные и модистки. «Кяхтинцы носят весьма дорогие шубы и пьют английский портер»²¹⁰. Позади Маймачена находился луг – нейтральная территория между Россией и Китаем. Там можно было встретить сибирских крестьян, монголов, калмыков, тунгусов, бурятов, китайцев в длинной шелковой одежде, русских офицеров в мундирах, русских купцов в кафтанах, забайкальских казаков²¹¹. В этой контактной зоне функционировал кяхтинский пиджин или российско-китайский пиджин, который представляли собой набор по большей части русских, китайских, а также некоторых монгольских слов в структуре китайского предложения²¹². Отечественный этнограф С. В. Максимов замечает, что русские торговцы в Кяхте так и не выучили китайский язык, но успешно освоили торговый язык – кяхтинский пиджин²¹³. С одной стороны, Кяхта – Маймачен представляли собой единство двух непохожих социокультурных типов, а с другой новое культурное пространство – гибридное пространство на российско-китайском фронтире. В начале XIX в. в российском обществе восприятие Кяхты превращалось в некую легенду – культурную и экономическую утопию.

Диаспоры. Во второй половине XIX в. начала формироваться полиэтническая – преимущественно русская диаспора – Трехречье – Саньхэ цюй (Внутренняя Монголия). В данном регионе русская

²⁰⁹ Самойлов Н. А. Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII-XIX вв. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. №4. С. 190-197.

²¹⁰ Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири: Санкт-Петербург, Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868. С. 70-71.

²¹¹ Там же. С. 68-69.

²¹² Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания: Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 144.

²¹³ Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания: Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. С. 530.

диаспора представляла собой деревни²¹⁴. Например, русская национальная волость Эньхэ в Барге. Жизнь русских в Трехречье является результатом длительной истории формирования русской диаспоры на этой территории. В 70-е гг. XIX в. на правобережье Аргуни на китайской территории постоянно возникали золотые прииски, туда проникали русские для добычи золота. В то же время после отмены запрета на заселение ханьцами северо-восточных провинций Китая китайские переселенцы стали масштабно осваивать эти территории. Часть из них нанимались на золотодобывающие прииски к российским капиталистам. Междуречье притоков Аргуни – Гана, Хаула и Дербула – стало активно заселяться русскими после 1920 г.²¹⁵

Помимо Харбина и Трехречья русская диаспора формировалась в отдаленной провинции Северо-Западного Китая – Синьцзян (также называемый китайский Туркестан). Русский след в данном регионе довольно глубокий. Активные русские диаспоры провинции Синьцзян сформировались в Кашгаре, Чугучаке, Кульдже, Хотане и Урумчи. В урбанистическом ландшафте этих городов подробно прослеживается русское культурное наследие. Это ставни и различные наличники на окнах домов, старые потемневшие русские вывески, скамейки у массивных ворот. В центре Кульджи сохранилось несколько зданий бывшего российского консульства, а также сохранился «русский квартал»²¹⁶. Русские диаспоры Синьцзяна включали в себя не только этнических русских, но и евреев, узбеков, киргизов, казахов и мн. др. народы, которые мигрировали в Синьцзян по разным причинам. Религиозно русская

²¹⁴ Забияко А. А., Забияко А. П., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. 2016. №17. С. 109-125.

²¹⁵ Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №1. С. 102-121.

²¹⁶ Монгуш М. В. Русское культурное наследие в Синьцзяне // Журнал Института наследия. 2016. №2(5). С. 2-8.

диаспора Синьцзяна также очень разнообразна – православные русские, иудеи, старообрядцы, католики, баптисты и мусульмане²¹⁷. Русские оставшиеся в Синьцзяне в течении долгого времени жили в изоляции от европейской культуры, им приходилось выстраивать особый межкультурный диалог помимо ханьского народа с местными народами неханьского происхождения – уйгурами, дунганями, казахами, киргизами, монголами и другими более мелкими этническими группами (солоны, галча, сибо, дулане, чахары, лобыки)²¹⁸.

Со временем сформировались основные центры русской диаспоры в китайских городах: Харбин, Шанхай, Урумчи (Синьцзян), Тяньцзин. Русские школы, театры, клубы, кинотеатры, рестораны, православные церкви, больницы оказывали влияние на этнокультурный облик китайских городов – многое имело этнокультурную специфику. Русский клуб в Урумчи был центром общественной и культурной жизни русской диаспоры, там проводили лекции, танцевали, также имелся театр, концертный зал, балет, ресторан и кинотеатр. Русская диаспора состояла, как из меньшевиков, так и большевиков, которые заполнили важную нишу в культурной, социальной, политической и экономической жизни Синьцзяна.

В случае с Синьцзяном русская диаспора представляла своим жителем и новоприбывшим русским иммигрантам «зону комфорта» – культурную, языковую и религиозную поддержку. Русская диаспора имела различные храмы, кулинарные традиции из России, большое количество многообразной русской прессы, разные языки, городские сады и парки, оранжереи, почтовые отделения, банки, библиотеки, консульства, казармы для войск²¹⁹. Схожую ситуацию мы можем

²¹⁷ Shear M. Strangers in a strange land... 2013. №3 (36). С. 292-298.

²¹⁸ Монгуш М. В. Русское культурное наследие... 2016. №2(5). С. 2-8.

²¹⁹ Shear M. Strangers in a strange land... 2013. №3(36). С. 292-298.

наблюдать и в русской диаспоре Харбина²²⁰. Вместе с тем, американский исследователь Майкл Шер замечает, что в Синьцзяне, несмотря на смешанные браки, интеграция между диаспорами была незначительна. Таким образом, отношения между русскими и другими этносами в Синьцзяне были в значительной степени ограничены в общественной сфере²²¹. Это замедлило процесс формирования культурной гибридности.

Другой/Чужой в истории Китая – это либо «варвар», либо «заморский дьявол». Но важно понимать, что отношение к Другому/Чужому претерпевало изменения в истории Китая. Этноцентрическое отношение к Другому/Чужому, сменялось на сопоставительное. Китай выводили из кризиса посредством перезапуска ментальной модели организации сознания²²². В период формирования русской диаспоры в Китае, русские, конечно, воспринимались как Другие/Чужие, но не характеризовались как вторгающееся, раздражающее, атакующее, заполняющее, вытесняющее, причиняющая сила. С первых годов своего поселения на новой территории русская этническая группа не почувствовала на себе явного проявления китайского этноцентризма, шовинизма, ксенофобии, национализма и дискриминации как результата встречи с Другим/Чужим: восприятие культуры русского этноса не происходило в рамках «Другой/Чужой – Враг»; формирование русской диаспоры не затруднило межкультурную коммуникацию русских и китайцев, а наоборот сблизило их; русские и китайцы не почувствовали на себе «культурный шок», пытаясь воспринять культуру, отличающуюся от их собственной; активно

²²⁰ Курто О. И. Понятие «русские харбинцы» и его современное значение // Этнографическое обозрение. 2011. №1. С. 131-145.

²²¹ Shear M. Strangers in a strange... 2013. №3(36). С. 292-298.

²²² Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев XIX – начале XX века: Москва: Наука. Восточная литература, 1993. С. 366-370.

формировались межнациональные браки; не сложилось явного сегрегированного закрытого общества; этнические русские работали в качестве ученых, инженеров, врачей, учителей, солдат и офицеров, фермеров, торговцев, водителей и пр. – обладая высокой квалификацией русским иммигрантам удалось со временем сформировать элиту в Китае²²³.

Изначально Китай помог русским иммигрантам из России выжить и подарил своеобразный облик восточной ветви русского зарубежья. Сначала он помог удалиться от тягот реальной жизни и погрузиться в тайны чужой истории, чужой культуры, чужой территории. Затем стал источником новых тем и сюжетов. Ключевыми строками являются: *«Все мнится мне, что я в России, / А не в маньчжурском городке»*²²⁴, в которых новый город, новое пространство воспринимается поэтом как пространство «Между». Данные строки отражают сложившееся гибридное пространство. В этой поэзии писатели часто принимали различную позицию живущего в чужом месте и проектирующего реальность Другого²²⁵. Все это есть результат встречи с Другим/Чужим, чужой территорией, которое испытали многие русские, оказавшиеся свидетелями строительства нового большого чудесного гибридного пространства в городах Китая. Многие писатели, художники, композиторы, очутившись в изгнании, в своих мемуарах признавали, что им «не хватает российского пространства, шире воздуха» и не ловко вживаться в новую среду, таинственную и пугающую²²⁶.

Встреча с Другим/Чужим в условиях гетеротопии очень ярко проявляется в популярном на Дальнем Востоке сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии», написанным писателем-эмигрантом А. П.

²²³ Shear M. Strangers in a strange land... 2013. №3(36). С. 292-298.

²²⁴ Щёголев Н. Поднебесное отчаянье. Собрание сочинений: Литагент Водолей, 2014. С. 154.

²²⁵ Barker A. M., Gheith J. M. A History of Women's Writing in Russia: Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 163.

²²⁶ Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг.: Москва: МАДИ, 2000. С. 123.

Хейдоком. «Звезды Маньчжурии» – это исключительно гибридный продукт, представляет собой некий сплав духовных культур китайцев, русских, монголов. В сборнике также есть выходы на египетскую мифологию, представления о жизни современного западного человека. Через диалог двух человек автор показал столкновение двух культур, двух способов мышления и видения мира²²⁷. Конструирование образа Другого/Чужого происходит по линии метафорического переноса его в разряд монстров, животных и т.д. Происходит демонизация или монстроизация Другого/Чужого²²⁸. Неудивительно, что в гибридных рассказах А. П. Хейдока есть место существованию таинственного дьявола, чертей, демонов, нечистой силы, сил темного царства, а также есть место удивительным мыслям, сверхъестественному, божественному, столкновения с чудом, мистической природой²²⁹. Подобное гибридное произведение сформировалось в результате тесного сочетания в рассказах автора китайской культуры, народных обычаев, мифов, верований (буддизма, даосизма и др.), пространства Маньчжурии и культуры русского человека, его мировосприятия. Именно это сочетание диаметрально противоположного сделало сборник «Звезды Маньчжурии» таким интересным и популярным на Дальнем Востоке и упрочило положение А. П. Хейдока в русской литературе.

В китайской прессе можно встретить рассказ Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» – под заголовком «*Лю чи ди*» – «Шесть футов земли». Фамилия Толстой – «*То-эр-сы-тай*», переведено скорее всего с английского или японского на китайский. Л. Н. Толстого китайские авторы описывали как сверхчеловека (не

²²⁷ Мяо Хуэй. Особенность отражения китайской культуры в рассказах А. Хейдока // Гуманитарный вектор. 2014. №2(38). С. 133-142.

²²⁸ Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Тело варвара: Конструирование образа Чужого на китайском фронтире. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. 4(33). С. 233-240.

²²⁹ Мяо Хуэй. Особенность отражения китайской культуры... 2014. №2(38). С. 133-142.

простой смертный), вышедшего из русской среды, «он принадлежит к расе титанов, которые являются “игрой” природы»²³⁰.

Однако в истории Китая существовали периоды обострения негативного отношения к русским. Победа коммунистов в Синьцзяне ухудшила положение русской диаспоры. Это событие произошло 10 ноября 1949 г., когда большие группы беженцев, в основном белых русских, отправлялись на границу с Индией. А в феврале 1950 г. Советский Союз и новая Китайская Народная Республика подписали договор о дружбе и союзе – «*Русский и китаец – братья навек*». В результате этого договора тысячи советских беженцев вернулись в Синьцзян. Но это была лишь «временная пружина» для русской диаспоры. Начиная с 1956 г. отношения между этими двумя коммунистическими государствами ухудшились. В 1961 г. советские консульства в Урумчи, Кульдже и Кашгаре были закрыты. Этнические русские столкнулись с дискриминацией. Эта ситуация началась в 1950-е гг. и продолжилась ухудшаться до 1962 г.

В 1966 г. началась Культурная революция в Китае, которая вызвала «культурный шок» во многих городах Китая, в том числе и в Синьцзяне. Сформировались анти-иностранные чувства, антирусские настроения, а в дальнейшем и русофобия, которые привели к бегству практически всех русских из Синьцзяна²³¹. Поколения метисов от русско-китайских браков подвергались массовой дискриминации и репрессиям по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Русский язык оказался под строгим запретом, быть русским и говорить по-русски во время Культурной революции стало опасно. Многие русские православные храмы были уничтожены²³². Нынешние «элосьцзу» – русские предпочитают не

²³⁰ Вестник Азии. – 1915. – №33. – Февраль. С. 103.

²³¹ Shear M. Strangers in a strange land... 2013. №3(36). С. 292-298.

²³² Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. №1. С. 102-121.

вспоминать эти тяжелые испытания, которые выпали на их долю в период Культурной революции. Для нынешнего русского Китай – это страна, благодаря которой он и его предки смогли выжить²³³.

Однако обратим внимание на то, что пресловутые образы «казаков» – злых агрессоров или коварной Российской империи, воспользовавшейся трудностями Китая для заключения неравноправных договоров, до сих пор властвуют над умами и эмоциями многих китайцев. Оценка российской политики XIX – начала XX вв., как политики колониальных захватов известна каждому китайскому школьнику.

Этнофолизмом в отношении русских служило слово «ламоса». Словами «ламоса лайла» – русский пришел – китайцы пугали своих капризничавших детей. С именем «ламоса» сочеталось представление о людях, наделенных колдовской силой, о людях страшных, волосатых, пугающих, о которых китайцы говорили недоброжелательно²³⁴.

Эти периоды и отдельные случаи в история Китая отчетливо показывают изменение отношения к Другому/Чужому. В свою очередь, процесс культурной гибридизации в данные периоды в истории русской диаспоры приобретает особые черты. При этом заметим, что процесс культурной гибридизации после Культурной революции в отдельных местах Китая прекращается. Тем самым, изменение отношения к Другому/Чужому неразрывно влияет на процесс культурной гибридизации.

Сегодня подавляющее большинство потомков этнических русских живут в Синьцзяне. По данным переписи населения за 2002 г., примерно 9 тыс. русских остаются в Синьцзяне, образуя

²³³ Гутин Ю. И. Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. №10. С. 50-56.

²³⁴ Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: эмиграционные процессы на Дальнем Востоке: Благовещенск: Амурский государственный университет. 2009. С. 155-165.

небольшой процент от общего числа населения²³⁵. Начиная со второй половины 1990-х гг. в Синьцзяне снова появились русские²³⁶.

Итак, процесс культурной гибридизации – это следствие взаимопроникновения, пересечения различных, зачастую значительно непохожих друг на друга культур, результатом чего становится образование новой, гибридной культуры. Этот процесс разнообразен в различных местах и временных рамках, поскольку на него оказывает влияние целый ряд причин: особенности территории, где происходят контакты; количество акторов диалога; тип межкультурной коммуникации между этносами; особенности развития общества и мн. др. Также культурной гибридной можно считать – результат имитации и присвоения различных объектов культуры (артефактов, технологий, текстов, языка, методов, практик, религий и др.) отдельной цивилизацией или культурой. Гибридность культуры уже само по себе обусловленное явление, сочетающее в себе множество заимствований (топосов, культур, политических и экономических укладов).

Выход за рамки традиционных подходов к изучению трансграничного взаимодействия между Китаем и Россией позволяет лучше понять исторические и культурные процессы. В XXI в. Харбин не утратил приграничного характера. Современные харбинцы продолжают участвовать в процессе трансграничной коммуникации на контактной территории Китая и России, где при отсутствии фронта, урбанистический ландшафт современного города демонстрирует наличие российско-китайской границы за счет такого универсального явления в истории, как культурная гибридность. Данный фрагмент фронтальной типологии показывает, что у феномена приграничья и границы нет предела, так как ни физическое, ни культурное пространство не заканчивается какой-либо чертой.

²³⁵ Shear M. Strangers in a strange land... 2013. №3(36). С. 292-298.

²³⁶ Монгуш М. В. Русское культурное наследие... 2016. №2 (5). С. 2-8.

Культурная гибридность в разных местах представляется в различных вариантах. По многим показателям процесс культурной гибридности в Китае будет незначительным образом отличаться от подобных явлений в России, США, Европе или Африке. Сравнение различных видов или типов процесса культурной гибридизации позволяет нам выявить множество различий, но их сходство позволит объединить их всех одним универсальным концептом – культурная гибридность. А это означает, что культурная гибридность – культурно-историческое явление. Вместе с тем, данный подход применим к большинству смешанных пространств в истории.

Список литературы

Barker A. M., Gheith J. M. A History of Women's Writing in Russia: Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 260 p.

Bhabha Homi K. The location of Culture: London, New York: Routledge, 1994. 248 p.

Burke P. A Case of Cultural Hybridity: the European Renaissance // Max Planck Institute for Social Anthropology. Department «Resilience and Transformation in Eurasia»: Max-Planck-Gesellschaft. 2012. P. 6-29.

Burke P. Cultural Hybridity: Cambridge: Polity Press, 2009. 130 p.

Drechsel E. J. Language Contact in the Early Colonial Pacific: Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 22-24.

Ricoeur P. Oneself as Another: Chicago: University of Chicago Press, 1994. 363 p.

Shear M. Strangers in a strange land: the Russian community in Xinjiang, and its interactions with the local peoples // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. №3(36). С. 292-298.

Sheldon H. L. Soap Opera in China: The Transnational Politics of Visuality, Sexuality, and Masculinity // Cinema Journal. University of Texas Press. 2000. №40(1). P. 25-47.

Siegel J. The Emergence of Pidgin and Creole Languages: Oxford: Oxford University Press, 2008. 320 p.

Wilson T. M., Donnan H. A Companion to Border Studies. Hoboken: Blackwell Publishing, Ltd., 2012. 620 p.

Young Robert J. C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race: London, New York: Routledge, 1995. 230 p.

Аблова Н. Е. КВДЖ и российская эмиграция в Китай. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.): Москва: Русская панорама. 2005. 432 с.

Антропов О. К., Мещеряков А. Ю. Сунгарийский город вне границы: культурная гибридность в условиях трансграничного пространства Харбина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №4(57). С. 35-41.

Архитектура и жизнь. Харбин. 1921 г. №3, январь.

Аурилене Е. Е. Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор // Проблемы Дальнего Востока. 2013. №3. С. 128-136.

Бляхер Л. Е., Зеликова Ю. А. Культурные особенности экономического трансграничного взаимодействия (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №1(7). С. 90-102.

Брумфилд У. Кяхта // Родина. 2011. №12. С. 20-24.

В Харбине в здании бывшего яхт-клуба КВЖД откроют ресторан с русской кухней. – Режим доступа: <https://www.amur.info/news/2015/12/19/104755>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата посещения: 06.08.2019).

Ван Кэвэнь. Языковые контакты Китая и России // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Социологические науки. 2016. №3(11). С. 62-67.

Вестник Азии. 1915. №33. Февраль.

Го Мен. Миграция населения из России в Китай: исторический опыт натурализации и сохранения самобытности (конец XVII - XX

века) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. №2. С. 71-77.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг.: Москва: МАДИ, 2000. 189 с.

Гончаренко О. Г. Русский Харбин. Москва: Вече, 2009. 256 с.

Грибин С. «Харбинское пиво» – русские корни? Любителям пива и путешествий. – Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/meal/articles/13240>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 17.07.2017).

Гутин Ю. И. Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. №10. С. 50-56.

Ершов М. В. Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири // Вестник угроведения. 2011. №4(7). С. 125-135.

Забияко А. А., Забияко А. П., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. 2016. №17. С. 109-125.

Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: эмиграционные процессы на Дальнем Востоке: Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009. С. 155-165.

Иванов Вс. Н. Логика Европы и Китая. Культурно-философский этюд // Вестник Китая. 1936. №2. С. 14-19.

Иванов Вс. Н. Харбин. 20-е годы. Из неопубликованного: Ленинград, 1994. 320 с.

Кишкина Е. П. (Ли Ша). Из России в Китай – путь длиною в сто лет: мемуары: Москва: Издательский проект. 2014. С. 512.

Корчагина О. А. Города-сады Дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-Артур, Харбин // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. №6. С. 668-675.

Крадин Н. П. Харбин – русская Атлантида: Хабаровск: Издатель Хворов А. Ю., 2001. 352 с.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев XIX – начале XX века: Москва: Наука. Восточная литература, 1993. 413 с.

Курто О. И. Понятие «русские харбинцы» и его современное значение // Этнографическое обозрение. 2011. №1. С. 131-145.

Луч Азии. Харбин. 1939 г. №53(1), 6 января.

Луч Азии. Харбин. 1941 г. №77(1), февраль.

Луч Азии. Харбин. 1942 г. №97/9, июнь.

Луч Азии. Харбин. 1943 г. №101(1), декабрь.

Лю Лифэнь. Сопоставление семантических полей русских и китайских кулинарных глаголов «печь烤» и «парить蒸» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №12-1(66). С. 116-121.

Ма На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX в. и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Философский науки. Вопросы теории и практики. 2015. №8(50). С. 122-128.

Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания: Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. 594 с.

Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал фронтальных исследований. 2017. №2(6). С. 30-58.

Мещеряков А. Ю., Якушенкова О. С. Культурная гибридность в условиях урбанистического ландшафта // Культурная жизнь Юга России. 2017. №4(67). С. 57-60.

Михайлова Е. В. Благовещенск и Хэйхэ: «города-близнецы» как туристический территориальный бренд // Материалы международной конференции: «Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества». 2014. №4. С. 506-512.

Михайлова Е. В. Роль трансграничного территориального образования Благовещенск-Хэйхэ в российско-китайском приграничном сотрудничестве // Материалы международной

конференции: «Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества». 2013. №3. С. 297-300.

Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири: Санкт-Петербург, Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868. 351 с.

Монгуш М. В. Русское культурное наследие в Синьцзяне // Журнал Института наследия. 2016. №2(5). С. 2-8.

Мяо Хуэй. Особенность отражения китайской культуры в рассказах А. Хейдока // Гуманитарный вектор. 2014. №2(38). С. 133-142.

Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2014. №2(42). С.133-142.

Намсараева С. Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта-Маймачен // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. №1. С. 21-46.

Нация. Харбин. 1938 г. №17, 1 ноября.

Нация. Харбин. 1938 г. №21, 10 декабря.

Нация. Харбин. 1939 г. №38, 5 декабря.

Нилус Е. Х. Исторический обзор сооружений Китайской Восточной железной дороги 1896-1923 гг.: Санкт-Петербург: Альфарет, 2012. 726 с.

Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания: Благовещенск: АмГУ, 2007. 262 с.

Оглезнева Е. А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект историко-лингвистический очерк // Слово: фольклорно-диалектический альманах. 2011. №9. С. 7-25.

Окунев И. Ю., Басова Д. В., Тисленко М. И. Особенности формирования идентичностей в ситуации пространственной инверсии (на примере Благовещенска и Хэйхэ) // Вестник МГИМО университета. 2015. №6(45). С. 86-92.

Петров В. П. Город на Сунгари. Очерки и рассказы: Вашингтон: Издание Русско-Американского исторического общества, 1987. С. 11-12.

Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // *Mongolica*. 2013. №11. С. 28-36.

Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность: Москва: РОССПЕН, 2013. 215 с.

Рубеж. Харбин. 1907. №29(650). Июль.

Рубеж. Харбин. 1932. №7(732). Февраль.

Рыкунов Д. Э. Русский кинематограф в Харбине (1900-1945 гг.) // *Известия восточного института*. 2013. №1(21). С. 51-60.

Самойлов Н. А. Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII-XIX вв. // *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2009. №4. С. 190-197.

Ставров И. В. Элосыцзу – осколок Русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // *Россия и АТР*. 2016. №4(94). С. 166-133.

Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая: Москва: Молодая Гвардия, 2006. 376 с.

Таиров М. Кто и как строил Харбин? // *Политехник*. 1972. №4. С. 109-118.

Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в Приграничном Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. №1. С. 102-121.

Тен Н. В. Представления современных китайцев о русском народе и его основных чертах // *Этнографическое обозрение*. 2010. №4. С. 189-200.

Хаиндрова Л. Ю. Сердце поэта: Калуга: Полиграф-Информ, 2003. С. 274.

Хисамутдинов А. А. Русские женщины в Китае (1922-1940-е гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. №3. С. 124-127.

Цзян Ин, Шипановская Л. М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №7-1(61). С. 144-152.

Черкашина С. А. Традиции серебряного века в культуре русской эмиграции в Китае // Проблемы подготовки кадров для сферы искусства и культуры. Материал научной конференции. 2001. С. 57-62.

Щёголев Н. Поднебесное отчаянье. Собрание сочинений: Литагент Водолей, 2014. 211 С.

Шипановская Л. М. Языковые контакты на приграничной территории // Материалы международной конференции: «Языки в различных сферах коммуникации», 2016. С. 76-80.

Шулунова Е. К. Драматический театр Китая хуацзюй и русская театральная культура // Международная научно-практическая IV конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». 2014. №4. С. 431-434.

Якушенков С. Н. Внутренний фронт как фактор международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 125-133.

Якушенков С. Н. Культурные процессы в гетеротопных пространствах (на примере Нижнего Поволжья) // Кочевые народы Юга России: Исторический опыт и современность. 2016. №1. С. 419-422.

Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Часть 2 // Журнал Фронтальных Исследований. 2017. №1(5). С. 8-36.

Якушенков С. Н., Сун Цзе. Культурная безопасность и факторы развития национальной алиментарной культуры // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015. №4(45). С. 247-253.

Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // Журнал фронтальный исследований. 2016. №1. С. 9-21.

Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Тело варвара: Конструирование образа Чужого на китайском фронтире. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. №4(33). С. 233-240.

Якушенкова О. С. Образы сексуальности Чужого как фактор, маркирующий фронтирную гетеротопию // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. №2(39). С. 346-352.